

УДК 81'1

**ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ**

*канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)*

Обсуждается возможность классифицирующего употребления имени собственного (личного) и устанавливаются гендерные особенности такого употребления. Последние представлены в терминах количественных отношений, а именно: общей частотности неконвенциональных употреблений имени, количественных показателей его встречаемости в одном коммуникативном эпизоде, частотности реализаций диминутивных, иронических и уничижительных вариантов имени, общего разнообразия фонетических средств выделения неконвенциональных именовании, частотности расширенного диапазона реализации имени и пролонгирования согласных звуков в его сегментной структуре, встречаемости коллокаций неконвенциональных имен с интенсифицирующими вставками.

Имена собственные (личные), как известно, относятся к особой разновидности номинаций. В отличие от так называемых полноценных знаменательных слов они отсылают не к определенным классам, группам или множествам понятий, явлений, предметов, сущностей, а к отдельным, вполне конкретным лицам. Сказанное означает, что имя личное можно определить как слово (или несколько слов), служащих для идентификации конкретного субъекта [1]. Именно таким образом интерпретируют термин «личное имя» специальные исследования, понимая его прежде всего как «индивидуальное именование субъекта» [2], официально зафиксированное за ним при его рождении. Благодаря имени мы воспринимаем обозначаемое им лицо как отличное от других представителей того или иного сообщества. Иными словами, мы видим его как определенную индивидуальность, не входящую в какой бы то ни было класс вещей, понятий, сущностей, которые можно было бы обозначить данным именем.

Имена личные, таким образом, называют, не выражая общих понятий, как это имеет место с номинациями в виде существительных, прилагательных, глаголов. В результате члены языкового сообщества, обозначаемые одним и тем же именем, вполне могут не иметь ничего общего. Неслучайно существует допущение, что одно и то же имя, присваиваемое разным субъектам, можно считать разными словами, невзирая на идентичность их фонетической структуры, и интерпретировать, соответственно, как омонимы [3].

Представленные особенности имени как разновидности номинации позволяют допустить, что оно употребляется только как идентификатор личности, неизменно служащий для распознавания, выделения ее из группы других субъектов, не указывая, однако, ни на какое общее свойство всех носителей данного имени.

Приступая к сопоставительному исследованию функционирования имени в вербальном поведении в четырех культурах, мы исходили именно из данных допущений, дополнив их предположением о неизменности или нейтральности имени в плане гендерных дифференциаций говорения, считая, что полученное при рождении так называемое юридическое имя функционирует в речи всех представителей данного языкового сообщества одинаково и в принципе идентично во всех допускаемых данной культурой его вариантах: полном, уменьшительном и т.п.

Результаты анализа четырех массивов говорения (в белорусской, русской, английской и американской культурах), составившие в общей сложности 160 000 слов текста, подтвердили, конечно, существование названных вариантов имен личных в вербальном поведении представителей всех гендеров. Вместе с тем они позволили усомниться в правомерности нашей гипотезы о нейтральности имени в плане конструирования гендерной идентичности употребляющего его субъекта. Кроме того, они побудили задуматься о стопроцентной истинности представленных ранее рассуждений об индивидуализирующей функции имени как единственной его характеристике и полной невозможности употребления его в качестве классифицирующего наименования.

Цель настоящего исследования, таким образом, двоякая и состоит: 1) в уточнении возможностей имени собственного в плане классифицирующего именовании, 2) в установлении гендерных особенностей такого весьма неконвенционального именовании.

В ряде публикаций мы уже представили установленные в ходе анализа гендерные особенности функционирования имени собственного, а именно: общую употребительность имени в соизмеримых по протяженности массивах говорения, количественные и качественные показатели реализации уменьшительных имен в четырех культурах [4]. Данные публикации, однако, охватывают далеко не все гендерно-дистинктивные особенности употребления имени собственного. Одна из таких особенностей как раз и отражается в данных, которые позволяют усомниться в абсолютной справедливости приведенных в

начале настоящей статьи рассуждений о том, что имя собственное индивидуализирует объект названия и никогда не репрезентирует его в виде некоего представителя группы или класса аналогичных существей (например, Светлан, Дмитриев и т.п.).

Рассмотрим следующие фрагменты подлинного общения.

1.

А1: *А я знаю, почему. Вишь ли, Лиля она. Лиля! Лиля, Лиля.*
Б1: *Я знаю, что Лиля.*
А2: *Ну так вот, это в ней так сильно, так, знаешь, очень-очень сильно, что просто вот Лиля она и все!*
Б2: *Да?*
Аз: *Ну конечно! Конечно. Лиля она! Очень в ней Лиля чувствуется. Очень.*
Бз: *Угу... [Н]. То есть, ты думаешь, не подходит она?*
А4: *Я думаю, что, вот сама посуди, нужна тебе Лиля? Нужна? А она Лиля. Лиля, Лиля, Лиля. Ли-ля!*
Б4: *[Н]. Не знаю теперь. Даже не знаю [Н].*
- Примечания:*
1. Знак [Н] используется для обозначения придыхающих вставок.
  2. Подчеркнутые фрагменты означают одновременное говорение.
2. *Э-э, нет! Дудки! С ним этот фокус, с ним нне прройдетт! Боррисс он! ББоррисс! (потрясает кулаком). Придется считаться. Ттак то! Борриссы нне отступают.*
  3.

А1: *But why? He's he's he's Nick, isn't he? The nickest of all Nicks I should think.*
Б1: *Oh is he?*
  4.

А1: *Ды не хведарыся ты! Не хведарыся!*
Б1: *Эт!*
А2: *И та-а не эткай! И так бачу, што Хведар.*
Б2: *Ну і Хведар.*
Аз: *Дык мо хопіць ужо? Хведарам быць? А то ўсё Хведар ды Хведар.*
Б2: *(Маўчанне).*

Во всех приведенных примерах имена собственные употреблены весьма специфично. Создается впечатление, что с их помощью говорящие пытаются сообщить некие смыслы, использовать имена не для индивидуализации называемого субъекта, а для представления присущих ему личностных черт как частного случая реализации свойств любого человека, обозначаемого данным именем. Носитель имени становится как бы одним из группы всех обладателей данного наименования, а не индивидуальностью только в силу омонимических возможностей или игр языка поименованной тем же набором звуков, что и другие обладатели данного имени.

В фрагменте 3 говорящий (женщина) даже образует соответствующее прилагательное от имени собственного и, ничтоже сумняшеся, употребляет его в превосходной степени, подчеркивая, что обсуждаемый данным именем субъект является типичным представителем класса людей, которых можно обозначить словом *Nick*. С не меньшей уверенностью собеседница в фрагменте 4, фактически, конструирует новое слово, так называемый окказионализм в форме образованного от имени собственного глагола, тем самым усиливая обобщающий, а не индивидуализирующий потенциал имени. То же самое наблюдается в фрагменте 2, фиксирующем имеющую ту же обобщающую функцию форму множественного числа имени собственного.

Обобщающий потенциал имени еще четче прослеживается в случае аналогичного употребления пренебрежительных или уменьшительных его вариантов, что хорошо просматривается в представленном фрагменте 5.

5.

А1: *Нет, знаешь, она, конечно, не красавица.*
Б1: *Нет?*
А2: *Нет, нет, ыы, нет! Не красавица. [Н].*
Б2: *[Н] умм...*
Аз: *Не красавица. Но приятная (улыбается). Приятная, приятная, приятная.*
Бз: *(улыбаясь в ответ) Очень?*
А4: *(продолжая улыбаться) Оочень! Оочень приятная, просто оочень!*
Б4: *Ой!*
А5: *Да! Оочень приятная. И такая ... ой, хороошая! Спокойная такая. Словом, Аннушка. Понимаешь? Аннушка.*
Б5: *(кивает).*

- А6:** *Спокойная! Такаяа... Аннушка и все! Словом, хороошая, понимаешь? ААннушка. Приятная-приятная! Аннушка.*
- Б6:** *Угу.*
- А7:** *(смеется).*
- Б7:** *(улыбаясь) Что?*
- А8:** *(улыбаясь) Приятная такая, горю; даже грить приятно. ААннушка..*
- Б8:** *(улыбаясь) Да, да!*
- А9:** *Ну и вот...*
- Б9:** *Да...*
- А10:** *Мм...*
- Б10:** *Мм...*
- А11:** *[Н!] (вздых) А жизни нет.*
- Б11:** *[Н]*
- А12:** *Не получается. Нет жизни!*
- Б12:** *Ай!*
- А13:** *Не говори!*

Очевидная попытка коммуникантки А описать сущность обсуждаемой личности через название ее по имени оказывается весьма успешной. Причем такой способ описания явно представляется ей наиболее точным. Неслучайно имя повторяется ею несколько раз. То есть максимальная интенсификация смысла слова *приятная* через многократное его повторение кажется ей недостаточным, и она настойчиво дополняет данный смысл диминутивным именем (*Аннушка*). Безусловно, передаче актуальных для говорящего субъекта смыслов (*хороошая, приятная*) весьма способствует не столько имя само по себе, сколько его языковая форма, имеющая в своем составе уменьшительный суффикс. Языковая единица (уменьшительный суффикс), таким образом, с ее обобщающим, классифицирующим потенциалом активно способствует превращению индивидуализирующего наименования в классифицирующее, обобщающее. Причем в значении, которое, не только по нашим данным, является одним из наиболее типичных именно для женского говорения, а именно ласкательном [5].

В мужском говорении уменьшительные имена личные значительно чаще, чем в женском, реализуются в насмешливом, пренебрежительном, уничижительном значении. Сказанное справедливо, даже если не исключать из мужского говорения достаточно заметный массив записей вербального поведения дедушек, группы коммуникантов, весьма склонных употреблять диминутивы вообще и уменьшительные имена собственные в частности в ласкательном их значении. Характерный пример пренебрежительного употребления представлен в фрагменте 6, являющемся частью разговора отца и дочери.

6. **А1:** *Well now, dear, may I ask you now, how can your dear old Billy how can he support a family?*
- Б1:** *Well, I don't know.*
- А2:** *Aha!*
- Б2:** *But he can, somehow.*
- А3:** *No, he can't! No, he can't? He he he's just a Billy. A good old Billy. I mean he's good! For supporting a football team, in a group of fans but but ... ffamily ... Well, ffamily is not for him.*

Как видим, в данном фрагменте уничижительная характеристика обсуждаемого субъекта достигается не только с помощью соответствующего употребления уменьшительной формы имени, но также и неопределенного артикля. Последний окончательно превращает объект наименования в представителя определенного класса. Употребленный вопреки правилам реализации личных имен, он весьма эффективно манифестирует неиндивидуализирующую роль имени в данном конкретном случае.

Вместе с тем артикль относится к культурно-специфическим средствам модификации функции имени, в то время как диминутивные суффиксы оказываются полезными во всех сопоставляемых культурах. Равно как и некоторые особенности просодической и, шире, фонетической реализации имени собственного в подобных случаях. Последние оказались наиболее константной составляющей изменения номинативного потенциала имени личного. Практически во всех зарегистрированных в нашем материале случаях нетрадиционного употребления имени наблюдается то или иное его выделение фонетическими средствами, например: более эмфатическое и расчлененное его произнесение (особенно в фрагментах 1, 2), акцентирование и пролонгирование согласных (2, 6), изменение уровня (3), тембра (5), диапазона (2, 4, 6). В совокупности с другими средствами – суффиксами, контекстом, образованным тем, что сказано, и тем, что не сказано, – они (то есть представленные фонетические особенности) делают возможной манифестацию неконвенциональных значений имени личного.

Грайс, как известно, относил значения *pp*, то есть неконвенциональные, разговорные значения, к одной из самых интригующих областей изучения вербального поведения, позволяющей включить в поле рассмотрения всю массу сказанного и несказанного, с помощью которого только и возможно постижение того, что хотел сказать говорящий. Он полагал, что изучение неконвенциональных употреблений позволяет осуществить гораздо более глубокое проникновение в сущность функционирования языковой системы [6], более полно выявить особенности организации сказанного. Как правило, он оперировал примерами, специально сконструированными для иллюстрации своих выводов. Его описание поэтому оказалось далеко не полным, не включающим многие весьма характерные случаи создания неконвенциональных значений в реальных, а не специально придуманных исследователем фрагментах общения.

На наш взгляд, имя собственное, употребленное как наименование класса, может быть интерпретировано как один из случаев реализации смыслов, не вытекающих из значения конституирующих определенные высказывания единиц, ибо в каждом конкретном случае такого употребления подразумеваемый говорящим смысл не связан с используемым им именем личным.

Какие же значения создаются говорящими в таких случаях? В чем состоит конструирование значений *pp* с помощью имен собственных?

Внимательно изучив все зарегистрированные нами фрагменты неконвенционального употребления личных имен (а их оказалось 41 в основном экспериментальном материале и 45 в записях, отражающих наши многолетние наблюдения за вербальным поведением коммуникантов), мы пришли к выводу о возможности их классификации.

Прежде всего возможна апелляция к смыслам, закрепленным за некоторыми наиболее распространенными именами в каждой конкретной культуре, например:

7.   **А1:**   *Фишь* (подсвистывает). *Так он же Ваня! Непонятно, что ль?*
          Б1:   *А?*
          А2:   *Ваня, горю, он и есть Ваня. Что уж тут теперь!*

Такие случаи, однако, редки даже среди относительно немногочисленных примеров неконвенционального употребления имени собственного. В подавляющем большинстве случаев в нашей подборке коммуниканты пытаются охарактеризовать обсуждаемую ими личность с помощью имен, не имеющих никаких известных широкому кругу лиц общекультурных коннотаций, за исключением, конечно, тех сопутствующих значений, которые может сообщить о носителе имени его языковая форма, например, принадлежность к определенной культуре, роду и т.п. Данные анализа случаев неконвенционального употребления юридического имени (например, *Борис*, *George*) и нейтрального разговорного (*Валя*, *Dick*) позволяют утверждать, что в ряде актов общения говорящие с их помощью пытаются представить свойственные конкретному носителю данных имен черты и его жизненные принципы как характеризующие и всех других носителей данного имени и на этом основании используют имя как репрезентант определенных свойств личности (см. пример 1), описывают ее в терминах имени не как индивидуализирующего, а как обобщающего знака.

Другие же, наоборот, исходят из представления об имени как наименовании, относящемся только к конкретному коммуниканту, и на этом основании считают возможным репрезентировать в его терминах самые характерные, дистинктивные черты данного коммуниканта, отличающие его от других членов социума (см. пример 4).

Представленные две разновидности неконвенционального употребления юридических и нейтральных разговорных имен, на наш взгляд, являются результатом весьма необычного применения тех постоянно чередующихся операций мысли, которые используются при конструировании любого слова, а именно: универсализации и дифференциации. В соответствии с точкой зрения Г. Гийома «на первое место среди потенциальных операций, которым язык обязан своей структурой, нужно поставить чередующуюся в уме человека последовательность двух типов движения: обобщающего движения, направленного в сторону всеобщности, и противоположного ему конкретизирующего движения, направленного в сторону единичности» [7]. В свете данного утверждения обобщающее употребление имени как названия класса правомерно считать особым, неконвенциональным случаем универсализации, когда свойственные определенной личности черты обобщаются с помощью его имени и поэтому интерпретируются как присущие и другим носителям данного имени (см. примеры 1 – 3).

В примере 4 представлен иной вариант заключающей универсализации: имя мыслится как завершающая, обобщающая интерпретация единичного, свойственного только данному субъекту и лучше всего обозначающая присущие ему черты.

Аналогичным образом совершается неконвенциональное употребление других вариантов юридических имен, в нашем материале представленных главным образом уменьшительными наименованиями (см. примеры 5, 6, 8) и в единичных случаях грубовато-пренебрежительными (*Колян* в говорении русских

и *Шурака* в говорении белорусов). Отличие таких неконвенциональных реализаций главным образом состоит в том, что их языковая форма эксплицитнее представляет намерения говорящего. Неслучайно инкорпорирующие их речевые действия оказываются менее конфликтными. Во всяком случае, все четыре достаточно конфликтные ситуации, зарегистрированные нами в ходе наблюдений, оказались порожденными неконвенциональным употреблением именно юридических или нейтральных разговорных форм имени. Но и уменьшительные, и грубовато-пренебрежительные варианты имени в значительном ряде случаев неконвенционального их употребления вызывали уточняющие реплики.

Характерной особенностью неконвенциональной, то есть конверсационной реализации всех форм имени являются его повторы, что весьма убедительно представлено во всех приведенных нами фрагментах, каждый из которых содержит хотя бы одно повторение неконвенционально реализованного имени. Наиболее очевидно данная особенность прослеживается в примере 8, представляющем собой фрагмент разговора свекрови (учительницы младших классов) и ее невестки (сотрудницы известного банка, имеющей университетское образование).

8.   **A1:**   *Oh ye, ye. That's being Larry. Ye, staying up till late at night, ye.*
           Б1:   *Till morn [H]!*
           A2:   *Till morn, yea.*
           Б2:   *Horrible! That that that's just horrible! [qH].*
           A3:   *Sure thing it is, dear.*
           Б3:   *Oh [H].*
           A4:   *But that's being Larry. That's his sort, anyway. He's Larry!*
           Б4:   *And he's mute!*
           A5:   *Ah that ... [H].*
           Б5:   *Yep! He doesn't talk!*
           A6:   *Well now. He's Larry. Maggy, dear, he's Larry, he's Larry!*
           Б6:   *But he*
           A7:   *No but Maggy. He's Larry. If you mean to be happy, Maggy, if only*
                   you mean to be happy, remember please that he's Larry. He's just Larry, dear. Re-
                   member that.
           Б7:   *When we met he*
           A8:   *When you met dear you could see at once he was Larry.*
           Б8:   *Ah!*
           A9:   *Yep. And he keeps being his sort, ye. He keeps being Larry.*
           Б9:   *Well, everybody ...*
           A10:   *Maggy, dear, he isn't everybody, he is Larry. Larry! He's Larry, isn't*
                   he?
           Б10:   *That's horrible!*
           A11:   *It's gorgeous! Just gorgeous. That's my wind up say, Maggy, he's*
                   gorgeous. cause he's Larry!
           Б11:   *[qH].*

На все возражения невестки свекровь отвечает, что ее сын просто великолепен, труженик, работает, правда, до поздней ночи, чем и отличается от всех других, но такой же молчаливый, как и все мужчины. Все перечисленные качества, уточненные в личной беседе с данной участницей нашего эксперимента, в приведенном эпизоде обозначаются ею, главным образом, с помощью уменьшительной формы имени ее сына (*Larry*). И, удивительное дело, невестка прекрасно понимает, на что намекает свекровь в каждом случае реализации данного имени. Всего в данном фрагменте встречается 15 его манифестаций, что в нашем материале является рекордным количеством.

Сущность и значимость повторов, как известно, интерпретируется в лингвистике по-разному. Так, обсуждая весьма разнообразный перечень основополагающих операций, которым язык обязан своей структурой, Гийом в числе самых очевидных называет и повторения. Последние, однако, рассматриваются им в части, представляющей так называемый «закон отсутствия повторения». Ибо «способность дифференциации с помощью вечного повторения не увеличивается, а уменьшается: дифференциация замедляется... Существует асимптоматическое приближение к пределу, где способность дифференциации должна смениться невозможностью дифференциации. Другими словами, дифференциация порожденного конструкта замедляется, приближаясь к пределу затухания и, по сути, не достигая его. По мере приближения к этому пределу возможность дифференциации сохраняется, а ее вероятность уменьшается» [7].

По сути дела в том же ключе рассматривают повторы и те лингвисты, которые включают их в перечень средств реализации диминутивности [8].

Перекликающимся с точкой зрения Гийома и в то же время отличающимся от нее является известный подход М. Халидэя, рассматривающий повторы с точки зрения семантической плотности высказывания, а не абстрактной системы языка только. Чем больше повторов, тем меньше информационная плотность высказывания, что вполне совпадает с точкой зрения О. Даалы и Г. Гийома. Данное уменьшение, однако, в устном общении имеет положительные последствия. Собеседнику легче проследить за ходом высказывания, проще ухватить его информационные акценты, ибо повторы не уменьшают, а увеличивают различимость или воспринимаемость данных акцентов, а значит, и реализованных в них смыслов [9].

Последнее представляется весьма важным при интерпретации неконвенциональных употреблений имен собственных, поэтому в настоящем исследовании мы придерживаемся последней точки зрения, считая повторы одним из эффективных способов выделения и интенсификации неконвенциональных значений имен собственных. Неслучайно неконвенциональные имена в нашей подборке фрагментов оказались представлены не менее двух раз в каждом из них, что весьма отличает их от конвенциональных употреблений имен собственных. В каждом случае с помощью повторов коммуниканты стремились донести до слушателя смысл весьма редко встречающегося классифицирующего употребления имен собственных.

Между тем повторы не единственная отличительная черта неконвенциональных реализаций личных имен. Не менее значимыми и постоянно присутствующими оказались их фонетические особенности: сегментные и просодические. Кроме того, лингвистические средства именно в данных фрагментах весьма активно поддерживаются невербальными средствами презентации смысла: выражением лица, движением глаз, рук, улыбкой.

Среди сегментных особенностей неконвенциональных манифестаций имен следует отметить качественные характеристики конституирующих их звуков, особенно согласных, которые зачастую пролонгируются. Характерным примером может быть следующий фрагмент реального вербального поведения на Полотчине.

9. **А1:** *Хто ён такі пытаеся?*
Б1: *Бы.*
А2: *Шшуррака ён! Вунь хто ён такі.*
Б2: *Аа!!*
А3: *Шуррака.*
Б3: *Ета-а ... Нічога не бачу, нічога не чую?*
А4: *ыы.*
Б4: *Толькі ем і п'ю ў тры горлы ...*
А5: *Так*
Б5: *і здароў, як конь!*
А6: *Во! Я і кажу: Шуррака.*
Б6: *От д'ябал, чорт, а?!*
А7: *Шурака. Шурака.*
Б7: *Пфу!*

Особенно ярко выраженную консонантную выделенность в данном фрагменте имеет первая реализация имени личного (*Шшуррака*). Далее в прежней мере удлинением оказывается только звук «р», а в последнем упоминании данного имени и он теряет былую пролонгированность. То есть по мере того, как говорящий приобретает уверенность в том, что его понимают, фонетическая специфика манифестации имени значительно уменьшается, прежде всего теряется пролонгирование согласных.

Просодические характеристики неконвенциональной реализации имен собственных весьма разнообразны. Наиболее частотными среди них в нашем материале оказались акцентированная силабификация имен, расширенный или, наоборот, суженный диапазон реализации тона (особенно в случае употребления уничижительных диминутивных форм имен) и тональный контракт. Весьма частотны контрастные тембральные реализации, высокий или низкий уровень тона, опять-таки, зачастую характерные для манифестации диминутивных имен.

В целом, в том или ином виде фонетическое выделение неконвенционально употребленных личных имен присутствует, практически, во всех зарегистрированных нами случаях. Оно, по сути, является формальным маркером неконвенциональности. Её сопутствующим признаком правомерно считать повторы.

На наш взгляд, фонетическая линия реализации обсуждаемых имен превращает их в некую разновидность конверсивов. Последние, как известно, являются результатом особого случая словообразования, состоящего в том, что слово меняет свой класс, не прибегая к какой бы то ни было аффиксации [1]. В случае неконвенциональных реализаций личные имена также меняют свой класс: переходят из разряда индивидуализирующих в класс наименований множества или группы сущностей.

Безусловно, неконвенциональные реализации личных имен можно считать девиантными, не укладывающимися в принятые нормы и правила именования. Такая интерпретация, однако, не отменяет значимости исследования обсуждаемых имен, но побуждает задуматься о причинах появления девиантных употреблений.

Как показали последние исследования в области семиотики и имени собственного, в частности, известные работы В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Дж.М. Андерсена, ономастические системы в любой культуре – это не случайный набор имен, оказавшихся без всяких мотиваций включенными в ее ономастический пласт, а своеобразный языковой текст, раскрывающий ценностные ориентации, высшие идеалы, концептуальную картину мира древних представителей данной культуры. Антропонимы, как правило, не были случайными, с их помощью люди пытались представить некоторые идеи. То есть традиция соотносить имя с определенным смыслом совсем не новая. Напротив, она возникла в глубокой древности. Правоммерно предположить, что зафиксированные неконвенциональные употребления имени являются неким современным вариантом данной традиции. Неслучайно они наблюдаются во всех сопоставляемых нами культурах, а в белорусской как в говорении на белорусском языке (беларускай мове), так и на трясянке.

Частотность употребления таких наименований невелика, однако весьма упорна, ибо охватывает все учитываемые в нашем анализе группы коммуникантов, а именно: три возрастные группы (до 25 лет, 26 – 45 лет, 46 и более лет), три уровня образования (высшее, среднее, незаконченное среднее) и гендер говорящих субъектов. Учитывая масштаб записей (приблизительно 40 000 слов говорения в каждой культуре), приходится признать, что обсуждаемая разновидность имен собственных в качестве отличительной характеристики своего функционирования имеет невысокую частотность встречаемости.

Небольшое количество зарегистрированных в основном материале случаев реализации обсуждаемых имен не позволяет сделать уверенные выводы о значимости культурной принадлежности говорящего. В нашем материале они регистрируются во всех сопоставляемых культурах примерно с одинаковой частотностью. В еще большей степени сказанное справедливо о двух других изучаемых нами переменных – возрасте и образовании. Гендерный фактор, напротив, оказался достаточно четко проявленным.

Прежде всего, заметно отличаются общие количественные показатели встречаемости исследуемых реализаций имен. Фрагментом мужского говорения в нашем основном материале оказалось только, примерно, каждое шестое неконвенциональное употребление имени. В подборке, составленной на основе наблюдений, – седьмое. Основная масса реализаций, таким образом, приходится на женское говорение во всех сопоставляемых культурах. Установленная предпочтительность представляется вполне закономерной. Ведь женщины, по нашим данным, вообще чаще используют личные имена, особенно в неприужденном говорении. Вместе с тем общие показатели употребления имени гораздо менее гендерно специфичны, чем показатели встречаемости неконвенциональных наименований. Последние могут быть представлены в весьма убедительном контрасте 16 % против 84 %, в то время как гендерное противопоставление только по общей встречаемости имен более сглаженное: 42,5 % против 57,5 % (то есть всего на 15 % больше у женщин).

Кроме того, наблюдаются различия в количестве повторов неконвенциональных наименований в одном коммуникативном эпизоде, заметно более высокие в женском говорении. Так, в нашем материале максимальное число мужских повторов неконвенционально употребленного имени в одном эпизоде (см. пример 9) – 5, в женских – 15 (см. пример 8). Средние показатели повторов на один эпизод общения менее контрастны и составляют, соответственно 3,2 и 5,3 с небольшими вариациями в зависимости от культурной принадлежности коммуникантов.

Заметно отличающимися в гендерном плане являются характеристики фонетического выделения неконвенциональных имен. В женском говорении они значительно более разнообразны. В нашем материале в мужском говорении они сводятся к пролонгированию согласных, увеличению интенсивности и, изредка, к сужению тонального диапазона реализации имени. У женщин регистрируется также аспирация, тембральные модификации, назализация, удлинение гласных, особенно в говорении русских, белорусок и американок.

Безусловно, установленные различия в разнообразии привлекаемых фонетических средств могут быть следствием весьма отличающегося общего числа зарегистрированных нами неконвенциональных имен в соизмеримых массивах мужского и женского говорения.

Тем не менее в минимальном количестве мужских фрагментов зарегистрировано больше случаев удлинения согласных, чем в значительно более обширном перечне женских. Кроме того, в перечне женских фонетических средств выделения имени регистрируется придыхание, особенно в английской культуре. В мужских реализациях его нет вовсе, если не считать аспирированные /p/, /k/, /t/ в начале английского ударного слога, а ведь придыхание соотносится с консонантной линией говорения. Мужчины, та-

ким образом, имеют склонность пролонгировать имеющиеся в фонетической структуре имени согласные, но избегают привносить в него придыхание – глухой гортанный призвук.

В нашем материале только в говорении женщин изредка регистрировались назализованные варианты манифестации неконвенциональных имен.

Зафиксированное нами большее разнообразие способов фонетического выделения обсуждаемых имен в говорении женщин вполне соотносится с выводами исследователей гендера о более тесной связи женского опыта с голосом, устной речью [10]. Данное обстоятельство, весьма возможно, является одной из причин значительно превосходящей частотности неконвенциональных имен именно в женском говорении, ибо формально они создаются прежде всего фонетическим выделением.

С другой стороны, среди огромного разнообразия средств фонетической реализации неконвенциональных именованных мужчины явно выбирают удлинение согласных и расширенный диапазон произнесения имени, особенно в русской культуре. Так, в нашем материале все мужские неконвенциональные употребления имени в русском говорении инкорпорируют пролонгирование согласных. Отмеченное предпочтение также соотносится с общими тенденциями организации фонетической линии мужского говорения, установленными как в нашем анализе, так и во многих других исследованиях гендера и устной речи [5]. В белорусском мужском говорении данная тенденция удлинения согласных значительно менее выражена. Характерным примером ее реализации является фрагмент 9. Пролонгированными в говорении белорусских мужчин, как правило, являются согласные в первой манифестации неконвенционального имени. Далее данное удлинение обязательно затухает (см. А₃, А₆) вплоть до полного исчезновения (А₇). В то время как в говорении русских мужчин скорее может уменьшиться диапазон реализации имени, но пролонгирование согласных остается. Такой же упорной данная черта является и в говорении англичан. Но если в их общении она может быть в значительной мере обусловлена фонетическими характеристиками английского языка, предусматривающими запрет на пролонгирование целого ряда гласных, то в говорении русских она является следствием лингвистически обусловленных тенденций.

Целесообразно отметить, что чисто фонетическое обозначение неконвенционального именованного, если имя употреблено в нейтральной его форме, может иметь последствия в плане эффективности общения, а именно: оно способно стать причиной не только временного непонимания, но и настоящего конфликта. В нашем материале, составленном из наблюдений, такой конфликт чаще провоцируется женским употреблением неконвенциональных имен. Минимальная численность зафиксированных конфликтных употреблений (1 мужское и 3 женских) не позволяет, однако, сделать сколько-нибудь уверенные выводы. Если же неконвенционально употребленными оказались другие, не нейтральные, более прозрачные по своей структуре формы имени (димиутивные, уничижительные), то конфликтные ситуации значительно менее вероятны. Во всяком случае, в нашем материале уничижительные и пренебрежительные неконвенциональные имена имели следствием своего употребления только временное затруднение (см. фрагмент 9).

Димиутивы, как известно, имеют заметные гендерные дифференциации в своем употреблении. Сказанное особенно справедливо в отношении личных имен [4]. Данная закономерность прослеживается и на материале неконвенциональных димиутивных наименований, только, по нашим данным, с еще большим процентом иронических уничижительных неконвенциональных наименований в мужском говорении по сравнению с женским. Правда, главным образом, за счет употреблений в белорусской и русской культурах. Вместе с тем незначительное общее количество примеров мужского неконвенционального употребления имени делает данную констатацию весьма предварительной, требующей проверки на гораздо более обширном материале.

Значимость имени для понимания смысла сказанного может быть подчеркнута лексическими сопутствующими вставками типа: ... и все (ну Лилечка она у нас и все), i усяго, настоящий/щая (настоящий Ленька, вот), прям(о) ... (прямо Женя, Женя ..., Женя прям и все), ўся/весь, вся (Увесь Слаўка, увесь, увесь, увесь), just (just Dessie, just dear, dear Dessie), and that's that (He is Julian, and that's that), true (She's a true Karin, just a true Karin, Karin, she's Karin), и точка (Давыдыч он и точка).

Все они присутствуют в говорении как мужчин, так и женщин за исключением самой последней (... и точка), встретившейся только в речи мужчин два раза. Минимальное количество мужских фрагментов и недостаточное количество женских не позволяет сделать предположение о каких-то гендерных предпочтениях в выборе тех или иных перечисленных вставок. А вот их общее количество в реализующих неконвенциональные наименования коммуникативных актах такие предпочтения имеет. Так, в нашем материале каждая вторая мужская номинация осуществляется с той или иной подчеркивающей или поясняющей вставкой. В женском говорении на, приблизительно, каждые три с половиной употребления приходится 2,6 вставки. При этом в значительном количестве фрагментов данные вставки повторяются, иногда многократно (увесь Слаўка, увесь, увесь, увесь). Любопытно, что данная особенность реализации вставок коррелирует с возрастом. Так, коммуниканты группы от 46 лет и старше реализуют в среднем 40 % всех повторов вставок у мужчин и почти 45 % у женщин. Гендер и возраст, таким образом, действуют в дан-

ном случае совместно, способствуя в конечном итоге привлечению внимания к неконвенционально употребленному имени и облегчению понимания сказанного.

Суммируя представленные в настоящей статье данные о неконвенциональном употреблении имени личного, можно сделать следующие **выводы**:

1) в подлинном общении во всех сопоставляемых культурах возможны случаи употребления имени для обозначения класса;

2) данные атипичные употребления встречаются в говорении представителей всех гендерных групп. Вместе с тем существуют и весьма заметные гендерные различия в особенностях их манифестации. Таковыми являются следующие:

- существенно отличающиеся общие количественные показатели встречаемости неконвенциональных имен в соизмеримых массивах говорения, значительно меньшие в вербальном поведении мужчин;

- частотность повторений неконвенционально употребленных имен в одном коммуникативном эпизоде более высокая в репликах женщин;

- общее разнообразие фонетических средств выделения неконвенциональных имен более богатое у женщин;

- более четко выраженное предпочтение в использовании расширенного диапазона реализации имени и пролонгирования согласных в мужском неконвенциональном именовании;

- различающаяся частотность реализации диминутивных неконвенциональных имен и отличающиеся показатели встречаемости их иронических и уничижительных вариантов;

- относительная частотность сопутствующих неконвенциональным реализациям имени вставок типа настоящий(ая), прямо, ... и все, just, true более характерная для неконвенционального именовании у женщин.

Специальные исследования особенностей неконвенционального именовании, проводимые на значительно более обширном материале, позволят уточнить представленные конкретные данные гендерной предпочтительности. Кроме того, они позволят выявить и другие гендерные, а также культурно специфические черты, от обсуждения которых из-за недостаточного количества данных мы вынуждены воздержаться.

ЛИТЕРАТУРА

- Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge: CUP, 2003. – 480 p.
- Широков, О.С. Языковедение / О.С. Широков. – М.: Добросвет, 2003. – 734 с.
- Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 228 с.
- Путрова, М. Дымінутыўнае імя ўласнае ў аўтэнтчным маўленні / М. Путрова // Сучасны стан і дынаміка норм сучаснай беларускай мовы: матэрыялы міжнар. канф. 24 – 25 кастр. 2006 года / Мінск, 2006. – С. 104 – 108.
- Земская, Е.А. Язык как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 685 с.
- Grice, H.P. Further notes on logic and conversation / H.P. Grice // Syntax and Semantics 9: Pragmatics. Ed. P. Cole. – N.Y.: Academic Press, 1978. – P. 113 – 128.
- Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
- Dahl, Ö. Diminutives and Augmentatives / Ö. Dahl // Encyclopedia of Language and Linguistics. Ed. K. Brown. – Amsterdam: Elsevier, 2006. – V. 3. – P. 594 – 595.
- Halliday, M.A.K. Spoken and Written Language / M.A.K. Halliday. – Cambridge: CUP, 1992. – 109 p.
- Kristeva, J. The system and the speaking subject / J. Kristeva // The Tell-Tale Sign. A Survey of Semiotics. Ed. A. Thomas Lisse, Netherlands: The Peter de Ridder Press, 1975. – P. 47 – 55.

Поступила 28.09.2009

GENDER PECULIARITIES IN THE USE OF UNCONVENTIONAL PROPER NAMES

The article considers possibility of classifying use of proper names in authentic talking in four cultures and claims existence of gender peculiarities in the use. The engendered specialties are described in terms of their quantity, such as general frequency of unconventional use of proper names, quantitative data of their occurrence in a communicative event, frequency of diminutive, ironic and pejorative unconventional names, general diversity of phonetic means used for increasing prominence of the unconventional names in the flow of speech, occurrence of widened pitch range in which the names are realized, prolongation of consonants in their segmental structure, possibility of collocations of unconventional names in an utterance.